

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46
Ш19

Шамбаров, Валерий Евгеньевич.
Ш19 Царь Петр и гетман Мазепа / Валерий Шамбаров. — Москва :
Родина, 2023. — 352 с.

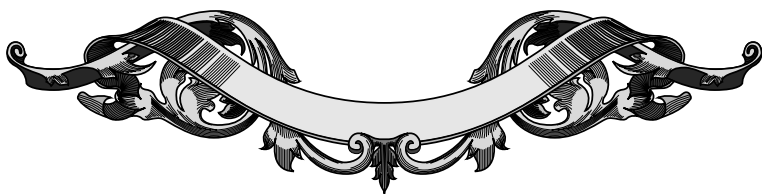
ISBN 978-5-00180-827-5

Когда говорят о свершениях Петра Великого, обычно подразумевают прорыв России к Балтике, строительство Санкт-Петербурга. Но было и другое — жестокая борьба с предателями. Самой известной фигурой среди них стал гетман Мазепа, в самый напряженный момент Северной войны попытавшийся нанести смертельный удар в спину нашей стране. Его измена была отнюдь не случайной, заговор вызревал больше десяти лет, был связан с западными правительствами, орденом иезуитов. Ради собственных выгод и личного возвышения гетман силился повернуть историю вспять, в союзе с «непобедимыми» шведами сокрушить русских, а Малороссию при этом вернуть в рабство полякам и католикам. Но в то время даже собственные подданные на его ложь не купились и за Мазепой не пошли. Однозначно и выразительно сделали выбор в пользу России.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-00180-827-5

© Шамбаров В.Е., 2023
© ООО «Издательство Родина», 2023

✂ 1. ПРОЛОГ: «УКРАИНСКИЙ ВОПРОС»

Для начала давайте уточним терминологию. Дело в том, что слово «украина» в разные времена имело совершенно разные значения. Впервые оно вошло в обиход в XII в. и понималось только в прямом смысле — «окраина». Так называли земли, примыкавшие к половецкой степи. А население нынешней Украины и России осознавало себя одним народом и называло «русскими». Хотя со временем между различными городами и областями пролегли политические границы. Киевская и Владимирская Русь распались на уделы, их захлестнуло и раздавило ордынское нашествие.

Но центров «собираения» русских земель обозначилось два. Одним стала Москва. Другим — Литва, объединившаяся с Польшей. Причем две возникшие державы оказались совершенно непохожими друг на друга. Московская Русь строилась на фундаменте Православия. А после гибели Византии она возвысилась как мировой центр православия, провозгласила строительство третьего Рима. Политической основой в Московском государстве являлась сильная централизованная власть, но она тоже опиралась на православие. Власть давалась государю от Бога для защиты веры и всех подданных. Однако и подданные обязаны были беспрекословно повиноваться ему.

Во главу угла ставилась «правда» — справедливость, соответствие христианским канонам. При Иване Грозном была сформирована оригинальная и весьма устойчивая система, земская монархия. Она отнюдь не соответство-

вала западному абсолютизму. Жесткая «вертикаль власти» сочеталась с широкой демократией на всех «горизонталах». В уездах, городах, волостях «мир» выбирал органы земского самоуправления, обладавшие очень солидными полномочиями. А царь при этом действительно стремился быть «батюшкой» для всех подданных. Любой человек вплоть до последнего нищего мог обратиться к нему напрямую.

Этот порядок действовал несколько столетий, развивался. При Алексее Михайловиче во дворце было даже устроено специальное «челобитное окно», всякий обиженный мог принести туда жалобу. Их читал сам царь или его доверенные лица, принимались надлежащие меры. Также был создан особый приказ тайных дел: проверять исполнение распоряжений государя, контролировать бояр, чтобы не зарывались и не притесняли народ. Факты показывают: социальная защищенность в нашей стране оказывалась гораздо выше, чем в тогдашней Европе. Каждый воевода обязан был периодически давать отчет о своем правлении. За злоупотребления должностные лица слетали со своих постов, отправлялись в Сибирь или в тюрьму.

Западные державы пошли по иному пути — расширения «свобод». Русские порядки высмеивали как «рабство». Но, опять же, не надо обманываться в терминах. В Средние века и в эпоху Возрождения западные «свободы» относились далеко не ко всем гражданам, а только к узкой верхушке общества. Аристократам, толстосумам, сановникам. Существовали для тех, кто реально мог обеспечить собственные права. На чернь «свободы» не распространялись, она была вне общества, вне морали. Для власть имущих простонародье становилось всего лишь расходным материалом, источником средств для «красивой» жизни.

Польша и Литва, объединившиеся в аристократическую республику — Речь Посполитую, в данном отношении лидировали. Здешние паны добились таких свобод, что шире уже некуда. Сами выбирали королей, диктовали им условия, вымогали пожалования, определяли зако-

ны. Но для народа это обернулось дичайшим произволом. Крепостной гнет был самым суровым, а поборы — самыми высокими в Европе! Крестьяне оказывались в полной власти землевладельцев. Современники упрекали помещиков, что они «мучат, уродуют и убивают без всякого суда своих людей». Папский нунций Руггиери отмечал, что паны, «казня крестьян ни за что, остаются свободны от всякой кары... можно смело сказать, что в целом свете нет невольника более несчастного, чем польский кмет».

Мало того, Польша стала плацдармом воинствующего католицизма. Несколько раз поднимались гонения на православную веру. И тут-то слово «украина» приобрело особую окраску. Впрочем, его значение не менялось — «окраина». В географических описаниях отмечали «Московские украины» — к ним относили Рязанщину, Тамбовщину, Северщину. Писали и про «Сибирскую украину». А Поднепровье и Левобережье Днепра называли «Польской украиной». Эти земли соседствовали с владениями Крымского ханства, жизнь здесь была опасной из-за постоянных набегов. Но свободной земли сколько угодно, и панского гнета не было. Люди из внутренних областей Польши и Литвы уходили сюда. Сложилась каста казаков — вольных воинов, прикрывавших границу. Некоторые аристократы стали организовывать казаков: Вишневецкие, Острожские, Ляндскородские, Ружинские. С их помощью отвоевывали собственные владения.

Но местные жители по-прежнему именовали себя «русскими». Львовщину в составе Польши официально называли «Русским воеводством». А Православие обозначали «русской верой». Кровное и духовное родство с Москвой особенно ярко проявлялось во время войн. В правление Ивана III, Василия III, Ивана Грозного Польша и Литва неоднократно сталкивались с Россией, и каждый раз наблюдалось одно и то же. Православные крестьяне встречали царских ратников как освободителей. Многие города добровольно переходили на сторону московских госуда-

рей. А когда в середине XVI в. возникла Запорожская Сечь, она сперва стала служить Ивану Грозному, признавала его «своим» царем.

В Риме оценили опасную тенденцию. С 1560-х гг. координацией операций против России занялась первая в мире профессиональная спецслужба, орден иезуитов. Для удара на русских польскому королю Стефану Баторию оказали колоссальную финансовую, техническую помощь, помогли заключить союз со Швецией. Высокопоставленный иерарх и один из лучших специалистов иезуитов Антонио Посевино сам ездил к Ивану Грозному, пытался склонить его принять унию, подчинить церковь Ватикану. В 1582 г. он вернулся в Рим и представил папе Григорию XIII предложения на будущее.

Озабоченно доносил, что на Львовщине, в Подолии, на Волыни, в Литве «многие жители упорно держатся греческой веры, хотя имеют господ католиков», и во время войны молятся за московского государя, сочувствуют ему. Отсюда вытекала задача — для торжества католицизма необходимо в первую очередь оторвать от России и от Православия Украину. Выполнять ее начали сразу же. Баторий отобрал собственность у православной церкви в Полоцкой области, передал иезуитам. Во Львове организовали как бы «стихийный» захват. Накануне Рождества в 1584 г. католики с оружием ворвались в православные церкви и монастыри, выгнали священников и монахов.

Следующий польский король — Сигизмунд III вообще стал марионеткой Рима. Главным советником при нем стал иезуит Скарга. А Посевино пристроился духовником королевы! Операцию по внедрению унии они организовали хитро. Среди украинского духовенства была раздута скандальная кампания об «исправлении нравов». Выискивали компромат на священников. Под обвинения попал Киевский митрополит Оницифор Девочка, он оказался двоежженцем. А Луцкого епископа Кирилла Тарлецкого привлекли к суду за насилие над девушкой. В 1589 г. через Киев

проезжал Константинопольский патриарх Иеремия. Ему выложили жалобы, агентура иезуитов постаралась подгазовать их нужным образом. Вместо Оницифора Девочки патриарх поставил митрополитом бесцветного и безвольного Михаила Рагозу. Но другой замаранный иерарх, Тарлецкий, дал согласие сотрудничать с иезуитами. Судебное дело замяли, и его кандидатуру рекомендовали Иеремии в самых радужных красках, его поставили экзархом (наместником) Киевского митрополита.

Кроме того, по польским законам, короли имели право назначать епископов. В 1593 г. Сигизмунд III, невзирая на протесты духовенства, поставил Луцким епископом бывшего литовского сенатора Поцея. Это был проходимец, успевший побывать в нескольких протестантских сектах. Он разорился, влез в долги, а потом принял православный постриг с именем Ипатия. Поцей и Тарлецкий обработали Рагозу, уговорили подписать «грамоту об унии» и повезли в Рим. Об этом узнали православные, забушевали. Ну а король в 1596 г. созвал в Бресте Духовный собор — якобы для разбирательства, кто прав, а кто нет.

Делегатов постарались подобрать сторонники унии, при организации собора верховодил Скарга. Православных не слушали, глушили криками или выгоняли с заседаний. В результате собор разделился. Одна часть во главе с Рагозой и Поцеем приняла унию. Другая предала униатов анафеме. Но верховным-то арбитром оказался король! Ему представили оба решения, и нетрудно догадаться, какое он утвердил. А уж дальше, опираясь на постановления «собора», на Православие обрушились погромы храмов, захваты имущества. Доходило до того, что луцкий староста Симашко ввел особый налог на посещение церквей православными, а в Страстную субботу и Св. Воскресенье устроил в притворе храма танцы, приказывал гайдукам стрелять в иконы. В ответ вспыхнули восстания...

Но режиссеры коварных замыслов действовали по разным каналам. Главной опорой Православия в Польше и

Литве была часть панов и шляхты. Это тоже входило в число «свобод». Если благородный пан хочет быть православным, почему бы и нет? Но иезуиты начали обрабатывать детей тех же Острожских, Вишневецких, Ляндскоронских. Они окатоличивались, ополячивались, превращались в более ярых врагов родной веры и народа, чем настоящие поляки. Соблазняли и казаков. Дурили им головы обещаниями, что уравниют в правах со шляхтой, т.е. с дворянством.

В начале XVII в. польское правительство и орден иезуитов сумели осуществить грандиозную диверсию, запустив в Россию Ажедмитриев и обрушив нашу страну в хаос Смуты. Разыгравшуюся трагедию использовали и для раскола двух ветвей русского народа. Паны и всякого рода авантюристы набирали отряды казаков, просто добровольцев, вели их на Русь пограбить. Одни погибали, но другие привозили сказочную добычу, и в походы выступали новые банды. Запорожский гетман Сагайдачный дважды приводил войска казаков, жег порубежные города России, спас наследника престола Владислава, попавшего в трудное положение.

Польская пропаганда поддерживала такие настроения. Внушала, что права и свободы можно заслужить! Главное — доблестно воевать за короля, быть верным ему. Ну а вопрос о вере можно решить вполне легитимно на заседаниях сейма. Это выглядело логичным. Если хорошо служить Польше, неужели не оценят? Неужели не отблагодарят? После русской Смуты казаки Сагайдачного храбро дрались и на другой войне, спасли страну от турецкого нашествия.

Но обещания оказались ложью. Едва отпала необходимость в казачьем ополчении, паны предпочли забыть о сладких посулах. Православных взялись притеснять так крепко, что Перемышльский епископ Исайя Копинский даже направил своих представителей к царю Михаилу Федоровичу, просил разрешения ему и монахам подчиненных монастырей переехать в Россию. А казачьи структуры в Польше наметили вообще ликвидировать. Магнаты, чьи отцы и деды казачьими саблями отвоевали земли на Украи-

не, больше не нуждались в них. Они теперь налаживали хозяйство, выжимали прибыли.

А казаки оставались очагом вольнолюбивых настроений, защитниками православия. Было объявлено, что казаки — это лишь 6 тыс. выделенных в «реестр». Остальные не имеют права называться казаками, должны быть простыми «хлопами». То есть крепостными. Даже гетман Сагайдачный, надеявшийся на «доброе» короля, начал понимать, что натворил не то. Он стал первым из украинских предводителей, кто тайно отправил послов к царю, предлагая договориться о переходе в российское подданство. Но в Москве помнили его походы на нашу страну, не доверяли.

Однако непомерный гнет прорывался мятежами. В 1625 г. поднялись казаки и крестьяне под предводительством Жмайла. В 1630 г. последовало восстание Тараса Трясила. В 1635—1638 гг. всю Украину перевернула цепь восстаний под предводительством Сулимы, Павлюка, Острицы, Полторакожуха. Подавляли их со страшной жестокостью. Истребляли подчистую население мятежных городов и сел. Предводителей подвергали жутким казням. Варшавские господа и дамы приходили полюбоваться, как их вешают на крюках под ребро, ломают кости на колесе, жарят заживо в медном быке.

Многие участники восстаний и мирные жители уходили от этих ужасов в Россию. Беженцев селили в окрестностях Харькова, Сум, Изюма, Чугуева, Острогожска — эти края принадлежали не Польше, а московскому царю. Так возникла еще одна «украина» — Слободская. Она получила свое название из-за того, что переселенцы жили в слободах, т.е. освобождались от налогов. За это они несли службу по охране границы, получали жалованье от казны. А подчинялись они Белгородскому воеводе.

Ну а для Украины после усмирения восстаний сейм принял «Ординацию» — чрезвычайные законы. Там размещались польские войска, все административные должности передавались польским чиновникам. Любые нару-

шения карались смертью, а Запорожскую Сечь разогнали. Народ был затерроризирован, протестовать уже не осмеливался. Зато паны сочли, что теперь им позволено все. Правда, они не любили заниматься хозяйством — предпочитали не зарабатывать деньги, а тратить на пиры, балы. Именья сдавали в аренду евреям. Те выкачивали прибыли гораздо эффективнее, чем сами поляки. Ради издевки евреям передавали и православные церкви. Они сами решали, когда и за какую мзду разрешить службу.

Народное возмущение копилось 10 лет, но и взрыв был страшным — восстание Богдана Хмельницкого. В 1648 г. взялись за оружие казаки, к ним примыкали толпы крестьян, горожан. Хмельницкий оказался талантливым военным, организатором, дипломатом. Он раз за разом громил польские войска. В поддержавших его областях установил новую систему управления, разделил их на 16 полков, а полки на сотни. Это были не только воинские, но и административные единицы. Возглавляли их полковники и сотники, а на войну выставляли, соответственно, полк или сотню. Хмельницкий сумел заключить союз с Крымским ханом. А главное, в самом начале восстания он обратился к царю Алексею Михайловичу с просьбами о помощи и принятии Украины в подданство.

В Москве его обращения восприняли поначалу осторожно. Ведь согласие означало масштабную войну. Рисковать жизнями подданных следовало обдуманно и оправданно, а не наобум. В царском правительстве знали, что восстания на Украине бывают часто. Но их подавляли раньше, чем их успевали поддержать. Алексей Михайлович сперва воздержался от вступления в войну. Но помощь начал оказывать немедленно. Поставлял оружие, боеприпасы, продовольствие, посылал деньги. К Хмельницкому были направлены отряды донских казаков — неофициально, как бы по собственной инициативе. А российские дипломаты оказывали серьезное давление на польское правительство.

Настойчиво предупреждали, что не бросят в беде единоверцев, требовали найти компромисс для примирения.

Однако любые компромиссы оказывались временными. Король Ян Казимир и паны соглашались на уступки повстанцам только для того, чтобы изготавиться к новым ударам. А Украина истекала кровью. Ее союзники татары оказывались слишком коварными. В сражениях обращались в бегство. Зато по пути подчистую разоряли села, угоняя в рабство десятки тысяч людей. Победы Хмельницкого сменились поражениями. Ему навязывали все более тяжелые условия перемирий, да и их сразу нарушали.

А миролюбие Алексея Михайловича паны расценили по-своему. Утверждались в мысли, что русские только пугают, а воевать не осмелятся. В 1653 г. польский сейм принял официальное постановление о геноциде. Рассуждали: православное население Украины представляет для Речи Посполитой угрозу вечных бунтов, поэтому требуется полностью уничтожить его. Русские дипломаты доносили: «А на сейме ж приговорили и в конституции напечатали, что казаков как мочно всех снести». Королевские войска начали наступление, поголовно истребляя жителей.

Но теперь Россия вступилась. На погибель братьев не оставила. 1 октября, в Москве открылся Земский Собор — высший орган, в нем заседали представители разных сословий и уездов. Делегатов опрашивали «по чинам порознь», но мнение оказалось единогласным. «Против польского короля войну вестъ» и принять повстанцев «под государеву руку». Кстати, при этом вышел казус с терминологией. Кого принимать? Украину? Нет, такого обозначения страны еще не существовало. Повстанцы провозглашали себя «русскими». А Богдан Хмельницкий формально занимал только один пост. Перед восстанием запорожцы выбрали его своим гетманом, т.е. главнокомандующим. Но и жители Украины, присоединяясь к его отрядам, объявляли себя казаками. Поэтому в постановлении Земского Собора говорилось: принять под государеву руку «гетмана Богдана

Хмельницкого и все Войско Запорожское с городами и с землями».

Позже придумали другое обозначение, Малороссия. Ну а пока к Хмельницкому отправилось посольство боярина Бутурлина. Украинцы смотрели на бодро марширующих стрельцов, на гарцующую русскую конницу, рыдали от счастья. В Переяславе была назначена рада — общий совет восставших земель. Сюда собрались делегации различных городов и полков. Запорожская Сечь провела войсковой круг и проголосовала за воссоединение с Россией, 3 января прислала решение: «Даемо нашу вийсковую вам пораду».

8 (18) января 1654 г. открылась Переяславская рада. На главной площади Хмельницкий обратился к делегатам. Перечислил государства, с которыми могла бы пойти Украина: Польша, Турция, Крым, Россия. Пояснил: «Царь турецкий — басурманин... Крымский хан — тоже басурманин... Об утеснениях от польских панов не надобно вам и сказывать... А православный царь одного с нами греческого благочестия... Кроме его царской руки мы не найдем благоспокойнейшего пристанища».

Выслушав вождя, «весь народ возопил: волим под царя восточного, православного». Рада приняла постановление, «чтоб есми **во веки всем едино быть**». Русские послы огласили царский указ о принятии в подданство, зачитали текст присяги — «быти им з землями и з городами под государевой высокою рукою навеки неотступно». Простонародье присягало на площади, руководство в храме Успения Пресвятой Богородицы. При этом «было в церкви всенародное множество мужского и женского полу и от многия радости плакали».

Алексей Михайлович даровал Украине полную автономию, она сохраняла свои законы и обычаи, «права и вольности», сама выбирала правителей, гетмана и старшин, получила даже право внешних сношений. На Украине не размещались царские войска, в ее внутренние дела запрещалось вмешиваться российским сановникам, она сама со-

бирала налоги, содержала свои воинские контингенты. После Переяславской рады дворяне Бутурлина разъехались, принимали присягу по разным городам. «Летопись самовидца» рассказывала: «Присягу учинили гетман, старшина и чернь в Переяславле и во всех городах охотно с надеждою тихомирия и всякого добра».

2. ИЗМЕНЫ И ИЗМЕННИКИ

В кинофильмах, художественных романах, учебниках истории сюжет о воссоединении Украины с Россией обычно завершается Переяславской радой. На самом деле рада ничего не завершила. Наоборот, она положила начало жесточайшим войнам, которым суждено было продлиться аж 27 лет. Речь Посполитая была отнюдь не слабой державой. Она охватывала Польшу, Литву, Пруссию, Белоруссию, Западную Россию — и ту же Украину. Поляки три столетия спорили с Москвой о первенстве в Восточной Европе. Еще в начале XVII в. паны сидели в Кремле и бахвалились, что с нашей страной покончено.

Теперь государевы рати вместе с казаками Хмельницкого взялись громить их. Однако русским не позволили разделаться с давними врагами. Помогать полякам начали Рим, Германская империя. Поступало щедрое финансирование. Вербовались контингенты немецких наемников, вместо растрепанных полчищ формировались новые. Кроме того, вмешалась Швеция, решила воспользоваться плодами русских побед. На стороне Польши выступило Крымское ханство — а оно являлось вассалом огромной и грозной Османской империи.

Но и Россия в середине XVII в. находилась на вершине своего могущества. В правление Михаила Федоровича и Алексея Михайловича в стране бурно развернулась промышленная революция. Бояре, купцы, предприимчивые крестьяне, даже царь и царица строили ткацкие и пря-

дильные мануфактуры, мастерские. В Москве расширился Пушечный двор — по тем временам очень крупное предприятие. Открылись два стекольных завода, две бумажные фабрики. Множились судоверфи, соляные варницы, разрабатывались рудники.

Московское правительство не гнушалось лучшим опытом иностранцев. Голландцам Марселису и Виниусу разрешили построить металлургические заводы в Туле. Дело пошло так успешно, что им позволили основать заводы на Ваге, Шексне, в Костроме. Но русские и сами были прекрасными хозяевами. Технологии Марселиса и Виниуса переняли отечественные производители. Металлургические заводы строили боярин Морозов, Милославские, Одоевские, Строгановы. «Допетровскую» Россию бездоказательно называли «отсталой», а между тем, она торговала не только мехами и воском. При Алексее Михайловиче она уже поставляла на экспорт пушки. До 800 орудий в год! Поставляла «за море», в «передовую» Европу.

Промышленное развитие позволяло России формировать большую и прекрасно оснащенную армию. Представление о том, будто регулярные войска в нашей стране создавал Петр, — еще одна легенда. Первые профессиональные полки за полтора столетия до него учредил Иван Грозный, это стрелецкие части. Для своего времени они были передовыми, сыграли огромную роль в победах нашей страны. Но в XVII в. западная военная наука сделала значительный шаг вперед. Выделилась шведская армия — в ней создавались постоянные полки, две трети солдат были мушкетерами, одна треть пикинерами — прикрывали стрелков от ударов конницы. Появились части кавалерии, вооруженной карабинами — драгуны. Эта армия одолевала всех врагов, в Тридцатилетней войне перемесила половину Европы.

Но и Россия не осталась в стороне от новшеств. С 1630 г. по указу царя Михаила Федоровича и его отца патриарха Филарета развернулось формирование полков нового или «иноземного строя» — по образцу шведских. Появились

солдатские, драгунские, рейтарские части. Их размещали на границе. Воинов селили деревнями и слободами, платили жалованье. Проводилось их регулярное обучение, они несли пограничную службу. Но в свободное время могли заниматься хлебопашеством, ремеслами, торговлей.

В период войн за Украину количество таких полков возросло до 75—42 солдатских, 8 драгунских, 22 рейтарских, 2 полка копейщиков и 1 гусарский, общей численностью 54,5 тыс. воинов. У всех частей было единообразное вооружение, имелась уже и форма. Военнослужащие полков «нового строя» носили «немецкие» кафтаны (точнее, покрой оставался русским, но они были короче стрелецких, до колена). Форма разных полков и родов войск отличалась по цвету, а воинские чины определялись нагрудной шнуровкой на кафтанах. Появились два «выборных» т.е. гвардейских полка — их называли по фамилиям командиров, Кравкова и Шепелева.

Русскую артиллерию исследователи признают лучшей в мире, началось серийное производство ручных гранат. Уже существовали генеральские и офицерские чины — полковники, полуполковники, ротмистры, капитаны, поручики, прапорщики. Хотя наряду с «новым строем» сохранялись стрелецкие полки. Но и их обучали по новейшим уставам и наставлениям, экипировали современными мушкетами.

Эти войска измочалили поляков, отбили Смоленск, брали Вильно и Минск. Отлупили и шведов. Заняли восточную Прибалтику. Челны донских казаков выходили в Финский залив, возле будущего Кронштадта разгромили шведскую эскадру. Доставалось и крымцам. Их вторжения на Украину оборачивались немалыми потерями.

К сожалению, ход войны определялся не только сражениями. В изрядной мере он определялся изменами. Дело в том, что отношение самих жителей Украины к переходу под руку русского государя стало неоднозначным. Просто-народье власть царя в полной мере устраивала. Но в ходе борьбы за освобождение выдвинулись начальники, стар-

шины. Они захватили замки польских магнатов, прибрали к рукам их земли. И им-то хотелось жить совсем не так, как русская знать, обязанная во всем повиноваться царю, от юности и до старости числившаяся на службе.

Хотелось стать такими же, как польские паны! Быть полновластными царьками в собственных владениях, вытворять что вздумается. Сладко проводить время на балах, охотах, заседать в сенатах и сеймах, принимать законы, выгодные для них самих. Но для этого следовало вернуться в состав Польши — если она пойдет на уступки, если допустит казачьих начальников в круг аристократов, уравниет в правах с панами. Что ж, правительство Речи Посполитой и орден иезуитов знали о таких настроениях, умело играли на них.

В 1657 г. Богдан Хмельницкий разболелся и умер. В борьбе за власть схлестнулись две партии. «Народную» возглавлял полтавский полковник Мартын Пушкарь. «Шляхетскую» — Иван Выговский. Он был поляком, мелким шляхтичем, под Корсунем попал в плен к Хмельницкому, но перешел к нему на службу. Втерся в доверие, женился на его дочери, занял пост генерального писаря — начальника штаба. Старшины протолкнули на пост гетмана Выговского. Пушкаря он обвинил в измене и убил. А с поляками в 1658 г. подписал тайный Гадячский договор. Возвращал Украину под власть короля Яна Казимира.

Выговский призвал на помощь и крымского хана. На речке Сосновке заманил в ловушку русский конный корпус Семена Пожарского, 20 тыс. человек были истреблены. Выговский заранее договорился с ханом не брать пленных — пускай между украинцами и «москалями» ляжет кровная вражда. Но далеко не все жители Малороссии поддержали предателя. Население Киева присоединилось к русским, отразило гетмана и татар. Отряды казаков стали уходить к царским воеводам. А когда на Украину вступила армия Григория Ромодановского, большинство городов встречало ее с радостью. Открывали ворота, выдавали или поби-

вали сторонников Выговского. К Ромодановскому присоединились все полки Левобережья Днепра.

Изменник сбежал в Польшу, но оказался там никому не нужен. Он пробовал сноситься с царем, чтобы снова вернуться в его подданство, но поляки перехватили письма и казнили его. В октябре 1659 г. в Переяславле была созвана еще одна рада. Она избрала гетманом сына покойного вождя, Юрия Хмельницкого. Малороссия заново принесла присягу царю. Но «вольности», дарованные ей, были после случившегося немного ограничены. В московском правительстве было создано специальное учреждение для контроля за здешним краем — Малороссийский приказ. В пяти крупнейших городах должны были находиться русские воеводы с гарнизонами. Впрочем, гарнизоны у них были маленькие и полномочия небольшие. Вмешиваться в местное самоуправление они не имели права. Разве что присматривали.

Увы, это не помогло. Юрий Хмельницкий не шел ни в какое сравнение со славным отцом, в народе его презрительно прозвали «Юрась-небожчик». Он изменил так же легко, как Выговский. Поляки щедро посулили, поманили, и в разгар сражений Юрий перекинулся на сторону врага. В результате под Любартом была окружена и погибла еще одна русская армия Василия Шереметева. Хотя события пошли по прежнему сценарию. Предателю отказались повиноваться Левобережье Днепра, Киев, Запорожская Сечь. Хмельницкий с поляками и татарами напал на них. На помощь пришло войско Ромодановского, прижало Юрия к Днепру и разгромило в пух и прах. Юрий растерял всех сторонников...

Но в условиях постоянных мятежей и ударов в спину Россия не смогла в полной мере реализовать плоды достигнутых побед. Войну со Швецией, невзирая на все успехи, пришлось завершить «вничью». Царские войска оставили Юрьев (Тарту) и другие города Прибалтики, занятые ими. Отказались от попыток вернуть территории, ко-

торые Швеция отобрала у нашей страны в годы Смуты, — Ижорскую землю по Неве, Карелию, крепости Орешек, Ям, Копорье.

Да и с Польшей война слишком затянулась, начались поиски компромиссного мира. А на Украине низвержение Юрия Хмельницкого отнюдь не принесло успокоения и единения. Наоборот, казацки старшины раскололись. Левобережное начальство старалось подстроиться к Москве, выпрашивало чины и пожалования. Но правобережные полковники под власть России так и не вернулись. Проводили свои рады, избирали отдельное руководство, возобновили переговоры с поляками, соглашаясь подтвердить Гадячский договор, вернуться под власть короля.

Что ж, Алексей Михайлович учел такую позицию. Он не намеревался насильно завоевывать Украину! Он пришел помогать по приглашению самих украинцев. Если часть из них снова захотела вернуться в состав Польши — пускай будет так. Глядишь, со временем одумаются, тогда и видно будет. В 1667 г. по Андрусовскому перемирию Украина разделилась. К России отошли Левобережье и Киев — у поляков осталась западная часть страны.

Соответственно, и гетманов стало два. На Левобережье Брюховецкий, на Правобережье — Дорошенко. При чем изменили оба! В поляках разочаровались, а русскую дисциплину и порядок принимать не хотели. Оба гетмана додумались до нового варианта, как бы им сладко жить в свое удовольствие. Передались под власть турецкого султана! Перед османскими послами тайно приносили присягу. Кстати, любопытно отметить — присягали на кресте и Евангелии!

Дорошенко вместе с татарами повадился грабить Польшу. А Брюховецкий развернул агитацию, будто «москали» намерены поработить Малороссию. Подготовил отряды верных людей, сумел обманами привлечь к себе запорожцев. В феврале 1668 г. по разным городам гетманские войска напали на русских. Перерезали всех, кого застали

врасплох. Захватили 14 тыс. руб., на 74 тыс. руб. пожитков русских чиновников и воинов, 183 пушки, 142 тыс. четвертей хлеба (посланного русским правительством подкормить бедствующую Украину!) Пришла татарская орда — вместе идти на Россию.

Но два предателя, Дорошенко и Брюховецкий, враждовали между собой. Каждый желал быть единственным гетманом! Полковники приняли сторону Дорошенко, а соперника выдали ему на расправу. Брюховецкого забили насмерть дубинами. Хотя отвратительная гетманская свара возмутила рядовых казаков. Запорожцы объявили, что Дорошенко вообще нехристь и «татарскую веру принял». Войско стало расходиться кто куда.

А многие жители Малороссии и на этот раз остались верными Москве. Киев, Нежин, Чернигов, Переяславль не примкнули к восстанию, держались в осадах. На Украину двинулась царская армия Ромодановского — после хаоса и разгула мятежников большинство жителей встречали ее как избавителей. Да и соблазнившиеся одумывались, приносили повинную. Была созвана рада. Ромодановский и глава Малороссийского приказа боярин Матвеев хорошо изучили казачьих предводителей. На пост гетмана они сумели провести Ивана Самойловича — первого после Богдана Хмельницкого, кто стал честно служить России.

На Украине настала полная каша! Теперь управляли три гетмана! «Польский» — Хоненко, «турецкий» — Дорошенко, «русский» — Самойлович. А Запорожская Сечь под руководством кошевого атамана Сирко пыталась вести самостоятельную линию. Ну а Дорошенко, теряя всякую опору, позвал на помощь своих покровителей, на Украину двинулись турецкие полчища. Поляков они раздавили, заняли Подолию, Прикарпатье. Опустошили все Правобережье, угоняя жителей в рабство. За это нашествие Дорошенко проклинали сами украинцы. Когда русские подступили к его столице, Чигирину, город взбунтовался и заставил гетмана сдаться.

Но турок даже такой поворот не смутил. Если одного ставленника не стало, они нашли другого. У них в это время в плену оказался Юрий Хмельницкий, и ему предложили роль гетмана под властью султана. Проходимец охотно согласился, принялся формировать войско. Правда, его авторитет упал слишком низко. «Войско» насчитывало лишь 150 бродяг. Но какая разница? Его титуловали «князем Малороссии» и послали 100-тысячную рать «помочь» ему сесть на престол. Однако Россия оказалась настолько сильна, что справилась и с новым противником. В сражениях под Чигирином царские войска растрепали две турецких армии, отбили в Стамбуле всякую охоту наступать на север. Только тогда на Украину пришел мир. Только тогда окончательно утвердилось — ее восточная часть остается единой с Россией.

Впрочем, еще не окончательно. Еще никто не знал — последняя битва впереди. Но именно в это время на исторической арене появились двое героев грядущей схватки. Двое героев нашей книги. Один из них — Иван Мазепа. Точнее, Ян. Он был польским шляхтичем. Получил великолепное образование в иезуитском колледже, служил при дворе короля Яна Казимира. Потом перешел в свиту одного из магнатов, но слишком увлекся супругой хозяина, тот поймал их в кровати. Хотя пан оказался добродушным, убивать не стал. Приказал вместо этого раздеть Мазепу догола, вымазать смолой, вывалить в перьях, привязать к коню задом наперед и пустить на дорогу. После такого позора оставаться в шляхетской среде было немислимо, он ушел на Украину, присоединился к казакам. Блестящее образование и полная беспринципность позволили ему выисаться. У Дорошенко он занял пост генерального писаря. В 1674 г. гетман послал его в Стамбул, срочно просить помощи против русских. Но в степи его поймали запорожцы. Передали царским воеводам, важного пленника доставили в Москву, и боярин Матвеев перевербовал его. Мазепа начал работать на русских.

Кстати, Матвеев был далеко не рядовым сановником. Он считался доверенным лицом государя, его другом — и даже родственником. Как раз недавно в личной жизни Алексея Михайловича произошли серьезные перемены. Семья у него была большая, вроде бы, дружная. Царица Мария Милославская принесла ему 13 детишек. Но проявился какой-то наследственный недуг. Скорее всего, скрытая болезнь была у супруги, но она отмечалась только в мужском потомстве. Дочки выглядели здоровыми, а мальчики рождались хилыми. Первенец, Дмитрий, умер годовалым. Второй, Алексей, скончался в 16 лет, Симеон в 4 года.

Оставались живыми Федор и Иван, но оба были инвалидами. Однако в 1669 г. при очередных родах Мария умерла. А через некоторое время, заехав в гости к Матвееву, царь познакомился с юной воспитанницей боярина Натальей Нарышкиной. Горячо полюбил ее и вскоре вступил во второй брак. В 1672 г. она родила здоровенького и крепенького мальчика. Царевича Петра...

3. КОЕ-ЧТО О ЧУЖЕБЕСИИ

Для западного мира во все времена было характерным представлять только свою цивилизацию «настоящей», а всех, кто не принадлежит к ней, объявлять «варварами». Пытаться переучивать, навязывать собственные стереотипы. Но и в России зарубежная пропаганда во все времена находила благодатную почву. Уж больно привлекательными выглядели западные порядки! Дома — строгая православная мораль. То нельзя, это нельзя. Дома — многочисленные обязанности перед Богом, перед государем, перед городом или деревенской общиной, перед семьей. Если нарушишь законы и обычаи, придется отвечать...

А в Европе оказывалось — то можно, и это можно. Католическая церковь, в отличие от православной, практически не ограничивала свою паству в удовольствиях.